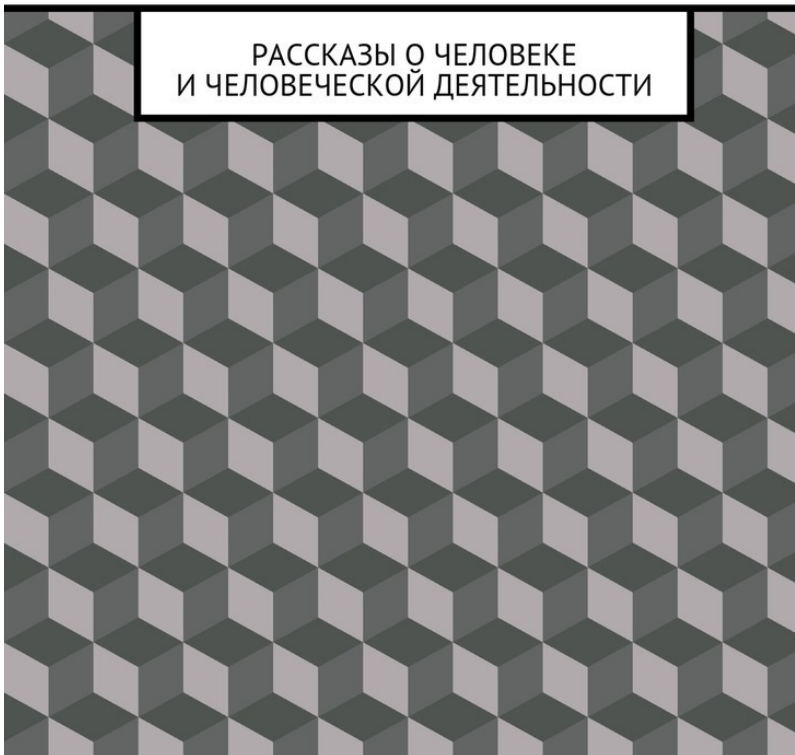

ДАВУД ЗУЛУМХАНОВ

Праксиология

РАССКАЗЫ О ЧЕЛОВЕКЕ
И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давуд Зулумханов
Праксиология.
Рассказы о человеке
и человеческой деятельности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273861

ISBN 9785447496340

Аннотация

Какая деятельность называется человеческой? Что такое абстракция? Как зародилась торговля? Что такое товар и деньги? Откуда взялся ноль? Как перепрыгнуть через бесконечность? Как защититься от разбойников? Как справиться с финансовым кризисом? Что происходит в школе? Об этом и многом другом в рамках оригинальной теории абстрагирования и в достаточно занимательной форме. Для широкого круга читателей.

Содержание

Сказка о первом торговце	5
Наблюдатель	5
Помощник и подарки	9
Склад	11
Таблицы	14
Честность	18
Свой товар	24
Деньги	27
Большой совет	31
Изгнание	36
Возвращение	38
Великий мастер	41
В поисках начала	44
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Праксиология
Рассказы о человеке
и человеческой
деятельности
Давуд Зулумханов**

© Давуд Зулумханов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о первом торговце (Популярное изложение принципа спонтанного умножения ресурсов в открытых самоорганизующихся системах)

Наблюдатель

Когда-то, давным-давно, еще в доисторические времена, в одном племени жил молодой и смысленный парень по имени Та-ка. Больше всего на свете любил он наблюдать за тем, что остальные соплеменники делают. Из-за этого прослыл он лентяем и бездельником. Все взрослые в племени гордились тем, что они постоянно заняты работой. Были среди них кузнецы и столяры, пекари и охотники, сапожники и лекари, каменщики и портные.

А Та-ка работать не очень любил. Он все больше любил ходить из дома в дом, да хозяевам веселые байки рассказывать. Получал он за это – кто что подаст. Тем и жил. Вот только в последнее время его все меньше пускали на порог. Наверное, его истории уже поднадоели.

Лежал как-то Та-ка на пригорке, размышлял о превратно-

стях бытия и наблюдал. И обратил он внимание на Кузнеця, который уже в третий раз огибал поселок с тяжелым мешком на плечах. По всему было видно, что Кузнец устал и расстроен. Та-ка вскочил и направился к нему разузнать, что к чему.

– Кузнец, что стряслось?

– А-а, это ты, Та-ка. Да вот у меня сапоги прохудились. Пятый год уже ношу. Надо бы обновить. Зима скоро.

– За чем же дело стало? Сходил бы к Сапожнику.

– Так я сходил.

– Ну?

– Не дает... То есть дает... То есть не хочет... То есть хочет...

– Ясно. Просто так сапожник сапоги не отдаст. А ты бы предложил ему что-нибудь взамен.

– Так, я и говорю... Я и даю! А он не хочет. Есть, говорит, у меня уже и пила, и топор, и ножи... Мне, говорит, шапка новая нужна. Зима, говорит, скоро.

– Ну, ты бы сходил к Ша-ку. У него отличные шапки есть.

– Был я у него. Но ему тоже топор не нужен, даже ножницы не нужны.

– А что ему нужно?

– Стекла. Помнишь, вчера ветер был сильный? Не углядел Ша-ка и на одном из окон все стекла вдребезги.

– Ну, так, сходи к Стекольщику.

– Ну, так, я и иду. Вот только не люблю я это дело, по домам ходить да лясы точить. Меня работа в кузнице ждет.

Вернулся Та-ка опять на свой пригорок и продолжил заниматься любимым делом.

Вскоре заметил он Столяра, который уже в третий раз обходил поселок и тоже с мешком. Взяло Та-ка любопытство: вскочил он и направился опять в поселок.

– Привет, Столяр!

– А, привет, Та-ка!

– Что это у тебя в мешке?

– А, это? Это – тумбочка новая. Недавно изготовил. Понимаешь, у меня мука заканчивается.

– Так сходил бы к Мельнику.

– Так я был у него. А он говорит, у меня лишней нет. Я, говорит, только мелю. Принеси зерна – я, говорит, и тебе намелю.

– Ну, так сходил бы к Ке-аку. У него зерна, небось, вдоволь. Урожай-то знатный был.

– Так был я у него. Но он не дает... То есть дает... То есть говорит, мне тумбочка не нужна. У меня, говорит, их уже три. И стул, говорит, не нужен, и стол тоже. Мне, говорит, меду надо. У дочки скоро день рождения, а она любит мед.

– Мед я тоже люблю. Только Пасечник мне не дает. А что, говорит, ты мне взамен дашь? Скрыга, еще тот.

– Был я у него. Но он говорит, что ему топор новый нужен. Свой-то он случайно в реке утопил. Вот, был у Кузнеца, а его нет дома.

– Ну, так, завтра сходишь.

– Придется. Вот только не люблю я это дело – по домам ходить да лясы точить. У меня работы столько...

Вернулся Та-ка на свое место заниматься любимым делом.

– Дело-то у меня любимое, – подумал вдруг Та-ка, – да за него мне никто ничего дает. А скоро зима. Придется мне опять нелюбимым делом заниматься, на работу к кому-нибудь наниматься.

И вдруг его осенило: а пойду-ка я завтра с утра к Столяру и возьмусь вместо него ходить и обменивать его стулья да тумбочки. Он же, как раз, к Кузнецу собирался. Да и Кузнецу можно предложить вместо него походить, если он со стескольщиком еще не... А там еще Пасечник, еще Мельник...

Сердце у Та-ка забилося так сильно, что чуть не выпрыгнуло из груди.

– И каждый из них мне за это что-нибудь да даст. Точно даст, – сказал сам себе Та-ка, вспомнив, как Кузнец со Столяром говорили, что не любят они по домам ходить, да лясы точить.

– Ну, а я как это дело люблю! – крикнул Та-ка и рассмеялся.

Помощник и подарки

На следующий день, рано утром постучался Та-ка к Столяру.

– А это ты, Та-ка? Что тебе надо в такую рань? – спросил Столяр.

– Послушай, ты уже ходил к Кузнецу?

– К какому Кузнецу? Что ты мелешь?

– Как к какому? За топором, ведь...

– А мне топор не нужен.

– Тебе не нужен, а Пасечнику нужен.

– Ну, а я тут причем?

– Так тебе что, мука больше не нужна?

– Нужна, – сказал Столяр и вдруг стукнул себя кулаком по лбу. – Ах да, как же я забыл! Надо будет сходить к Кузнецу.

– Послушай, Столяр, а давай, я вместо тебя схожу к Кузнецу... и к Пасечнику, и к Мельнику... и принесу тебе мешок муки за твою тумбочку.

– Вот спасибо! – просиял Столяр. – Выручил. А ты не шутишь? У тебя, наверное, своих дел полно?

– Конечно, полно! – сказал Та-ка и сделал вдруг задумчивый вид.

– Послушай, если ты принесешь мне мешок муки за мою тумбочку, я тебе три новых деревянных ложек дам, – сказал

вдруг Столяр.

– А зачем мне ложки? Мне и есть-то нечего, – рассмеялся Та-ка.

– Ну, так у меня и пообедаешь, – сказал Столяр.

– Хорошо, – сказал Та-ка. – Тащи свою тумбочку.

Целый день ходил Та-ка от одного дома к другому. Обменивал тумбочки на топоры, сапоги на шапки, мед на стекла. И в каждом доме вел свои веселые разговоры. Любил он поговорить. Но и люди с ним, на этот раз, охотно разговаривали. Ведь он каждому помогал найти то, что им было нужно.

Так прошла зима. Та-ка обзавелся собственным домом и подумывал о женитьбе. Все в поселке знали о его любимом деле. И если кому-то было надо что-то обменять, то все знали к кому идти. А в благодарность за его помощь, каждый оставлял ему что-нибудь: кто стекло, кто пакетик муки, кто ножик, кто рукавицы... Ну, а Та-ка знал, как всем этим распорядиться. Любил он это дело.

Любовь любовью, да начал наш Та-ка уставать. Целый день ходить от дома к дому и узнавать, кто и на что готов совершить обмен, а потом находить и разносить каждому, что ему было нужно... а заказов все больше и больше. Подумывал он помощников нанять, да мало кто соглашался. Не считалось это дело настоящей работой.

Склад

Лежал как-то ночью Та-ка у себя дома и устало смотрел на подарки, что ему оставляли заказчики. Да, их было не много...

– А если бы их было бы много? – вспыхнуло вдруг в голове у Та-ка. – Тогда не пришлось бы мне искать, в каком доме у кого что лежит. Все здесь и уже ждет клиента!

От волнения у Та-ка задрожали руки, сон улетел. Он рывком сел на постель.

– И в самом деле, я же знаю, что обычно нужно нашим людям! Из подарков я стану делать запасы. Разложу их на полки и каждый, кто придет за чем-нибудь... А оно уже вот, здесь: бери, дорогой!

– Как набрать столько подарков? – сник вдруг Та-ка. – Пока я наберу столько, сколько надо... Это ж сколько времени уйдет.

Та-ка опять лег и закрыл глаза. Но вдруг он вспомнил Столяра с мешком: «Что это у тебя в мешке? – А, это тумбочка новая!»

– Зачем Столяру новая тумбочка? – открыл глаза Та-ка. – У него этих тумбочек, наверное, итак класть некуда?

– Как, некуда!? – выпрыгнул из постели Та-ка. – А мой дом? Здесь, здесь они все должны лежать и ждать своих будущих хозяев.

На следующий день рано утром постучался Та-ка к Столяру.

– А это ты, Та-ка? Что тебе надо в такую рань?

– Давай свои тумбочки, – сказал взволнованно Та-ка.

– Какие тумбочки? – зевая, спросил Столяр.

– Сколько у тебя тумбочек?

– Шесть.

– А сколькими пользуешься?

– Э-э, двумя. Остальные – только место занимают. Они ж на обмен...

– Давай, я их у себя буду держать, и у тебя место освободится...

– Да? А тебя это не затруднит? У тебя у самого домик не очень...

– Конечно, мал! – сделал вдруг Та-ка задумчивый вид. – Но, ничего-ничего. Я все равно один, а у тебя дети.

– Вот, спасибо! – расчувствовался Столяр. – Подожди, я сейчас их вынесу.

Вынес Столяр четыре тумбочки, потом, почесав затылок, сказал:

– Слушай, а не мог бы ты еще пару стульев захватить и три кадки?

Та-ка внимательно посмотрел на Столяра.

– Я тебе за это одну табуретку дам, – добавил вдруг Столяр

– Ладно, – сказал Та-ка. – Тащи все, что есть.

Целый день ходил Та-ка от дома к дому и всюду его встречали как дорогого гостя. Все уже были наслышаны о его широкой душе и щедром сердце. К вечеру домик Та-ка был набит товарами до отказа.

– Это ж совсем другое дело, – пело все в душе у Та-ка. – Теперь я могу заниматься любимым делом, не выходя из дома.

Дела у него пошли в гору. Ведь теперь обмен происходил гораздо быстрее. Если кому-то было что-то нужно, то он приносил свой товар к Та-ку и тот быстро находил, на что его обменять. А многим и приносить ничего не надо было, ведь их товар уже хранился в доме у Та-ка. При этом сам дом стал еще и местом встречи самых разных людей, которые раньше могли месяцами не видеть друг друга. А иногда сюда приходили просто поболтать с Та-ка. Любил он это дело.

– Странное дело, – подумал однажды Та-ка, – каждый забирает отсюда все, что ему нужно, а товаров становится только больше!

И назвал Та-ак место хранения всех товаров складом.

Таблицы

Но вот однажды, зашел на склад Столяр. Зашел просто так, поговорить с Та-ка. И, как бы, между прочим, поинтересовался, а где его тумбочки?

– А их нет, – сказал Та-ка.

– Как нет? – воскликнул Столяр. – А где они?

– Я их обменял на шесть одеял. Вот они.

– А зачем мне одеяла? – вскричал Столяр.

Та-ак немного опешил. Он никак не был готов к такому повороту дел. Он развел руками, но потом быстро сообразил и сказал:

– Зачем? Затем же, зачем тебе были нужны тумбочки: для обмена.

– Но я, может быть, не поменял бы четыре тумбочки на шесть одеял... И не нужны мне одеяла, – опять нервно вскричал Столяр.

– Послушай, – сказал Та-ка, – во-первых, я у тебя взял только то, что ты сам выделил для обмена. Во-вторых, как только тебе самому что-то понадобится, мы будем считать, что твои тумбочки здесь, и ты обменяешь их на то, что тебе надо. Какая тебе разница, они на самом деле здесь или нет, если ты получаешь взамен то, что тебе нужно.

Столяр успокоился и ушел.

Та-ка же сел и стал размышлять над тем, что только

что сам наговорил. Вначале он похолодел от мысли о том, в какую нехорошую ситуацию он чуть было не попал. Ведь его могли заподозрить в нечестности. Тогда все пропало. Но у него не было дурных намерений, и, может, именно это не дало случиться непоправимому.

С другой стороны, как там... Сколько на сколько чего там было?

Его давно мучила эта новая мысль. В самом деле, как запомнить, за сколько одеял Столяр согласен обменять свою тумбочку или Кузнец – свой топор. Каждый раз приходилось бегать и спрашивать. А тут товаров уже столько... Заранее записывать на сколько чего каждый будет готов обменять свой товар, но это ж какой список будет?

Та-ка окинул взглядом склад. Здесь лежали хомуты и пи- лы, топоры и шапки, сапоги и крупы, посуда и коврики, тка- ни и вилы...

– И это все дает мне достаток и, вдобавок, любимое дело. Но это все не мое. Я должен спрашивать... помнить... Со- ставлять списки и таблицы...

Он взглянул на стопку таблиц, количество которых угро- жающе росло.

– Вот, если бы все это было моим! Я бы сам все решал... А почему все это не мое?

Та-ка вздохнул, взял с полки шапку, повертел в руках и положил на место.

– Не моя. А что здесь мое? Вот эти подарки, которые мне

подарили за помощь в совершении обмена. Вот эти три первые ложки... – Та-ка улыбнулся, вспомнив заспанное и удивленное лицо Столяра. – Вот эти рукавицы, вот эта мука... Подожди-ка, а какой из этих трех мешков мой?

Та-ка и не заметил как его мешок, куда он понемногу высыпал подаренную муку, уже наполнился и ничем не отличался от других мешков.

Та-ка стоял перед тремя полными мешками и чувствовал, что зреет какое-то решение, что сейчас появится какая-то радостная мысль. Он уже знал это состояние.

– Ну, конечно! – хлопнул себя по лбу Та-ка. – Я не буду просто хранить чужие товары. И не буду просто помогать другим их обменивать. Я вначале сделаю товары своими, а потом буду предлагать их другим и уже на своих условиях... Постой, а зачем мне столько товаров?

Та-ка аж зажмурился. Была же какая-то мысль. В самом деле, ему не были нужны шесть одеял и десять тумбочек... Но ему было нужно...

– Да, мне нужны подарки! – сказал вдруг Та-ка и сразу замотал головой. – Нет, мне не нужны подарки.

На самом деле, вначале подарки радовали. Но, чем дальше, тем меньше радости они доставляли. Они были знаком снисхождения, знаком милости за службу... Но Та-ка не хотел, что б его жалели. Он хотел зарабатывать, а не служить. Но разве это работа? А почему не работа?

Та-ка вышел на крыльцо и вздохнул полной грудью. Его

склад был на пригорке и отсюда был виден весь поселок. Да, каждый селянин гордился тем, что работал. Это было видно даже по походке.

– А почему их работа – работа, а моя работа – не работа? – думал Та-ка. – Только потому, что каждый имеет столько, сколько сделает, а я имею только столько, сколько мне подарят... Это потому что я ничего не делаю? Но я же делаю! Я помогаю... Да, я только помогаю. И Столяр, и Кузнец могли бы сами сделать то, что я делаю вместо них. Но я не могу вместо них делать то, что делают они.

– Да, – продолжал размышлять Та-ка, – но и Столяр не умеет делать то, что делает Кузнец... Правда, и Кузнец не умеет делать то, что делает Столяр. Но то, что они делают нужно всем. Вот оно в чем дело!

От этой догадки у него вначале захватило дух, но потом Та-ка подумал это достаточно просто и, наверное, всем давно известно. Иначе, как бы Кузнец стал кузнецом, а Столяр – столяром?

– Значит и мне надо найти дело, которое умею делать только я и которое нужно всем, – созрело у него в голове. – Но, какое? Правильно, я сам хочу предлагать товары. Но я не умею их изготавливать. Ну и что? Ты же можешь их менять, набрать... для обмена. А как я узнаю, что и на что менять и на сколько?

Честность

Та-ка еще раз окинул взглядом поселок и вошел в дом. Полки вдоль стен были заставлены разными товарами. Но у каждого товара был свой хозяин, и только хозяин знал, на что и как их надо обменять. А Та-ка был только помощником.

– Кузнец меняет топоры на сапоги, потому что ему нужны сапоги. Кузнец может решать, сколько и каких топоров можно отдать за вот эти полюбившиеся ему сапожки, потому что он знает, во что ему обходится изготовление топора... Но он же не знает, во что сапожнику обходится изготовление сапожек. Кузнец не знает, как тачать сапоги. А ему и не надо знать... Он только оценивает, насколько ему самому нужны сапоги и что он готов за них отдать...

В дверь постучали. Та-ка вздрогнул, очнувшись от раздумий.

– Кто там?

– Это я – Кузнец!

Та-ка открыл дверь и впустил Кузнеца. В руках у него был сверток.

– Послушай, Та-ка, ты не мог бы мне помочь обменять мои сапоги, что взял осенью, на восемь локтей ткани для платья. Жена пилит, мочи нет. Они новые, я их так ни разу и не одел, – сказал Кузнец, и устало опустил на лавку.

Та-ка аж поморщился, услышав о помощи. Все помощник, да помощник... Но вдруг он просиял и выхватил из рук опешившего Кузнеца сверток.

– Конечно, конечно, какой разговор! Я тебе такую ткань найду, подожди... Так, здесь на складе ткани нет. Но ничего я завтра же отыщу. Жена будет довольна. Так и передай.

Та-ка быстро выпроводил Кузнеца и в волнении уселся за стол.

– Так, – взъерошил он у себя волосы на голове. – Так! Конечно, так! Кузнец не изготавливает сапоги и не изготавливает ткани, но он меняет первое на второе и знает, как менять. Почему я не могу это знать?

Та-ка стукнул кулаком по столу, резко встал и зашагал по комнате.

– Могу! Может даже лучше, чем сам Кузнец, могу! Все! Решено! Буду сам все менять.

Но вдруг он замер, как-то весь обмяк и опять опустился на стул.

– А подарки? Их же мне никто уже не даст. Я же буду свои товары менять... Того и гляди, самому придется подарки кому-нибудь давать. А жить на что?

– Минуточку... Конечно! Подарки дарят те, кому я помогаю обменивать их товаров. А так как теперь я сам меняю товары, то и подарки себе я буду давать сам! – осторожно подумал Та-ка. Правда он так и не понял, как это будет происходить. Но формально-то, ничего не изменилось – если есть

обмен, будут и подарки.

В дверь опять постучали. Это был Столяр. Зашел просто так, посидеть, поболтать.

– Холодает, – сказал Столяр. – Скоро опять зима.

– Да, холодает, – ответил Та-ка, разливая кипяток по чашкам. – А ты уже заготовил дрова?

– Так, этого добра у меня всегда в достатке, – улыбнулся Столяр. – Слушай, а где мои одеяла?

– Какие твои одеяла? – Спросил Та-ка, добавляя в чашки понемногу травяной настойки и меду.

– Так, те, которые вместо тумбочек...

Та-ка вдруг замер с чашкой в руках. Было видно, что какая-то мысль пронзила его. Он резко встал. Потом медленно сел.

– Ах, эти... твои одеяла. Но ты же сам сказал, что одеяла тебе не нужны и мы договорились, что у меня по-прежнему твои тумбочки. Все четыре.

– Но ты же обменяешь их мне на одеяла? Жена говорит, что по всему, зима будет холодной, надо бы взять одеял.

– Конечно, – задумчиво произнес Та-ка. – А сколько одеял ты хочешь за свои тумбочки?

– Как сколько? – удивился Столяр. – Все шесть.

– Но это же я обменял на шесть... – начал было Та-ка, но, заметив, как сощурился Столяр, замолк.

– Правильно, – сказал Столяр, поставив пустую чашку на стол и вытирая рукой вспотевший от горячего напит-

ка лоб. – А через неделю – наш осенний базар. Может я на этом базаре сменял бы свои тумбочки за семь одеял. Но, ты не волнуйся, я тебе полочку сделаю. Вот сюда повесишь, баночки с медом класть.

Столяр поднялся. Та-ка принес одеяла.

– Ну, бывай! – попрощался Столяр и ушел.

Та-ка опять уселся за стол.

– Вот, незадача, – вздохнул он. – Ну, зачем я сказал Столяру, что получил за его тумбочки шесть одеял. Сказал бы – пять... Он бы и на пять согласился. Тоже мне, меняла! Прото, как Столяр на базаре меняться умеет, так про это весь поселок потом анекдоты рассказывает.

Та-ка вначале ждал базар с тревогой. Но каждый раз оказывалось, что именно за неделю базара, он получал больше подарков, чем за весь год.

Та-ка налил еще кипятку и добавил ложку меда. Мед давал ему Пасечник за помощь в обмене. Сам давал.

– В самом деле, – подумал, Та-ка. – Пасечник сам дает мед. И Столяр сейчас сам предложил полочку... не одеяло! Одеяло бы он не предложил. На одеяло он бы не согласился... А почему я согласился на полочку? Да потому что подарок!

Та-ка аж поперхнулся, вспомнив это постылое слово, закашлял, встал из-за стола и пошел мыть чашки.

– А если бы я ему с самого начала сказал, что одеял было пять? – продолжал он размышлять, вытирая чашки. – То это

был бы обман. Это не честно. Так нельзя. А кто сказал нельзя, и с кем это я все время разговариваю?

Та-ка положил чашки на полку, сел на кровать, поправил подушку и лег, закинув руки за голову.

– Да, обманывать нельзя. Все равно позже все всплыло бы. А сказать правду... т.е. сказать, что, да, я выменял на шесть, но тебе отдаю только пять, т.к. мы с тобой не договаривались, что надо менять на шесть...

Та-ка улыбнулся, представив лицо Столяра после такой речи.

– Весь фокус в том, что Столяр уже знает, на сколько одеял я обменял тумбочки. С другой стороны, если бы не знал, то узнал бы позже и опять устроил бы мне скандал. Сказал бы, – верни мои тумбочки, я сам пойду на базар... Значит, товары должны быть мои... Но, тогда я останусь без подарков...

За этими мыслями Та-ка не заметил, как задремал. Ему снился Столяр, летящий верхом на тумбочке, которая взмывала одеялами как крыльями. «Вор, – кричал страшным голосом Столяр, – одеяло хотел украсть!» Дверца тумбочки билась все сильнее и сильнее. Та-ка вздрогнул и проснулся. За окном завывал ветер, и незакрытая ставня билась о стену. Он встал, вышел во двор, закрепил ставню.

Было уже поздно.

Та-ка вошел в дом и стал укладываться спать.

– Одеяло бы сейчас не помешало, – сказал он себе, укла-

дываясь поудобнее. – Вот если бы я поменял четыре не мои тумбочки на шесть не моих одеял, а Столяр бы согласился взять пять, не зная, что получено шесть, то мне досталось бы одно одеяло... Но это обман. А вот если это были мои шесть одеял, и Столяр бы согласился за пять поменять четыре тумбочки, то одно одеяло... просто остается у меня, т.е. мне ничего не достается... Зато без обмана... Правда, останутся еще четыре тумбочки. А зачем мне четыре тумбочки? Тьфу, ты, черт! Ничего не понимаю. Спать надо!

Свой товар

Утром Та-ка взял сверток Кузнеца и пошел к дому Да-та-ка. Тот был известен тем, что когда-то в молодости смастерил чудный станок и ткал на нем полотно из разноцветных нитей. Подходя к его дому, Та-ка слышал характерный перестук работающего станка:

– Значит, дома.

Та-ка постучал в дверь. Дверь открыл сам Да-та-ка.

– Привет, Та-ка! Что в такую рань принес?

– Вот, сапоги, – сказал Та-ка, разворачивая сверток.

– Хорошие сапоги! Только у меня не хуже. Не нужны они мне.

– Понимаю, что не нужны, – спокойно ответил Та-ка. – А что нужно?

– Ну, проходи, поговорим. Что в дверях-то стоять?

Они вошли в дом. Везде на полках лежали рулоны ткани.

– А почему ты не сдашь хотя бы один рулон ко мне на склад? – спросил Та-ка.

– Зачем? Чтобы там его мыши погрызли, – ухмыльнулся Да-та-ка. – Садись, небось не завтракал еще. Ну и я не скоро буду завтракать, но чашечку настойки с медом дам. Знаю, любишь. И я люблю, и все мои детки любят. Так вот, заканчивается мед у меня. Обменяй мне на пятнадцать локтей полотна пять рамок меду. Мне не скоро из дому выйти, работы

много. А я тебе полотенечко вышитое дам.

– Так, отчего ж не обменять? Обменяю, если Пасечник согласится на пять рамок-то, – сказал Та-ка, отпивая глоток душистой настойки и пытаясь придумать, как Кузнецу ткани добыть.

– Согласится. Для тебя согласится. Ты мастак на эти дела, – сказал Да-та-ка и снял с полки рулон полотна. – Вот, держи. Ровно пятнадцать локтей.

– Ничего, пусть у тебя полежит, – сказал Та-ка, допивая настойку. – Сохранней будет. А я пошел мед добывать

Та-ка покинул дом Да-та-ки и направился к Пасечнику. Идти было далековато, до самой опушки леса и дальше до самой пасеки.

– Привет, Пасечник, как твои пчелы? Не сбежали еще? – крикнул еще издали Та-ка.

– Куда ж им бежать? Зима скоро. Спать они будут. Вот, утепляю ульи, – ответил Пасечник. – Что это ты ко мне с утра несешь?

– Вот, – Та-ка развернул сверток.

– Какая прелесть, – воскликнул Пасечник. – Сапоги. Мне как раз такие нужны!

– Пять рамок меду, – сказал Та-ка.

– Пять так пять, – сказал Пасечник. – И тебе маленькую баночку не пожалею. Сапоги! Слушай, уже месяц собираюсь сходить к тебе на склад, а все никак. А тут – ты сам. Молодец!

– Да, но если бы ты сам нашел эти сапоги, тебе бы они обошлись, может быть, в четыре рамки, – вдруг сказал Та-ка.

– Да-да, – сказал Пасечник, – может быть, может быть. А может и не может быть. Так, ты даешь мне сапоги? Больше пяти рамок я все равно не дам.

– Ладно. Они твои.

Та-ка вернулся с медом к Да-та-ке. Обменял рамки на полотно и вернулся к себе. Отмерил восемь локтей ткани, которые он должен отдать Кузнецу. Остальные семь уложил на полку и вдруг замер. Он долго стоял и смотрел на оставшиеся семь локтей ткани.

– Они мои, – сказал вдруг Та-ка строго. – Теперь я знаю, что делать.

Он аккуратно упаковал восемь локтей ткани и решительно направился к Кузнецу.

– Кузнец, я тебе ткань принес!

Кузнец был счастлив.

Деньги

Прошел год. Склад Та-ка разросся. У него уже несколько молодых помощников. Большинство товаров на складе уже принадлежит Та-ка. Теперь он сам решает, на что и как их менять. Да вот беда. Не удержать в голове соотношения всех товаров. Пробовал Та-ка составлять списки и таблицы. Вначале, пока товаров было немного, они помогали. Позже, когда количество товаров перевалило за сотню, таблицы стали такими громоздкими, что пользоваться ими стало совершенно невозможно.

– Сколько полотна можно отдать за мешок муки, если за две дюжины яиц я готов отдать полграмки меда?

– Кузнец готов отдать 100 гвоздей за два стула, но за те же два стула Ри-ка готов отдать восемь больших щук... Кому отдать стулья?

У Та-ка голова шла кругом от подобных вопросов. Он в который раз окинул взглядом дом. Вид разложенных по полкам товаров уже не радовал. Где-то вдали залаяла собака. Темнело. Та-ка встал и зажег свечу. Ее неровный свет отражался в перламутре большой ракушки, для которой Кузнец изготовил небольшую треногу. Подобные подсвечники были почти у всех. Никто не знал, кто и где изготавливает эти ракушки. Раз в полгода рыбак Ри-ка уходил на своей лодке далеко-далеко вниз по течению, где выменивал их на рыбу

у каких-то чужеземцев.

Та-ка обернулся к ящику, который раньше принадлежал Ри-ка. В нем на больших кусках льда, засыпанных опилками, лежала рыба. Над ящиком, в коробке, поблескивали драгоценные ракушки. Ожерелья из них, сделанные умелыми руками Оа-ка, были самым желанным подарком для всех женщин поселка. Особенно ценились ожерелья из черных ракушек. Свадьба уже не считалась свадьбой, если среди подарков невесте от жениха нет драгоценных бус из маленьких перламутровых ракушек.

Та-ка снял с гвоздя одно черное ожерелье, повертел его в руках и опять повесил на место.

– За одно такое ожерелье Пасечник дал бы мне пять рамок меду, – подумал Та-ка. – А мед я люблю. Да и Мельник, к следующему дню рождения дочки, скорее всего, возьмет такое же черное ожерелье. Мешок муки за него не пожалеет.

Та-ка загасил свечу и лег спать. Всю ночь ему снились сельчане и у всех на груди висели ожерелья из черных ракушек.

Утром Та-ка проснулся, потянулся и с удивлением обнаружил, что в правой руке он зажимает черную ракушку.

– Вот так дела, – подумал он, и вдруг бросился к столу.

Там в ящике лежали свернутые в рулоны таблицы соотношений товаров. Та-ка лихорадочно развернул одну таблицу, потом другую...

– Конечно... Конечно! – крикнул вдруг Та-ка и затанцевал

по комнате, подкидывая к потолку рулоны с таблицами.

– Что, конечно? – услышал он вдруг простуженный голос. Это зашел рыбак Ри-ка. – Что это танцуешь, как сумасшедший?

– А я и есть сумасшедший, – рассмеялся Та-ка. – Привет, Ри-ка! Как хорошо, что ты пришел. Дай я тебя угощу. Ты мне подкинул такую идею!..

– Ничего я тебе не подкидывал, – просипел Ри-ка. – Перестань вертеться и скажи лучше, сколько соли ты мне дашь за дюжину щук?

– В этом-то все дело! – не унимался Та-ка. – В этом-то все дело.

Он усадил Ри-ка за стол и налил ему настойки с медом.

– На, угощайся. А то ходишь постоянно простуженный. И пока ты согреваешься, я тебе быстро все подсчитаю. Так вот, у тебя есть черные ракушки?

– Осталось... немного. А зачем тебе черные ракушки? Ведь рыба...

– Сколько ракушек ты бы отдал за пуд соли?

– Я бы... Я бы отдал шесть ракушек.

– А я бы отдал пуд соли за твои 12 щук.

– Так бы сразу и сказал... А причем здесь ракушки?

– В этом-то все и дело! – рассмеялся опять Та-ка. – Шесть ракушек я бы отдал за твои 12 щук.

– Но мне не нужны ракушки! Мне нужна соль, – возмутился Ри-ка.

– Вот-вот. А за одну ракушку, получается, я бы взял две щуки или отдал бы одну шестую часть пуда соли!

– Что ты мне голову морочишь! – не выдержал Ри-ка. – Ты мне дашь соли или нет?

– Дам, дам... Обязательно дам. Неси свою рыбу. Получишь пуд соли, – выдохнул Та-ка.

– Сразу бы так, – сказал Ри-ка, допивая настойку. – Давай соль. А рыбу сыновья занесут.

Все в поселке были довольны Та-ка. Только старый Шаман становился все мрачнее и мрачнее.

Прошла еще одна зима. Та-ка сделал пристройку к своему складу. У него много товаров. Он стал состоятельным селянином. Но это не сделало его уважаемым. Более того, Та-ка стал замечать некоторую настороженность и даже враждебность к себе со стороны некоторых односельчан.

Близился день весеннего равноденствия. В этот день собирался Большой совет. На нем селяне обсуждали дела, которые были важны для всех и требовали совместных усилий.

Большие советы проводились четыре раза в год. Та-ка практически не принимал в них участия. Его персону и его вклад были до сих пор мизерны, чтобы он мог на что-то влиять. Но в этот раз Та-ка ждал дня Большого совета с тревогой и он не мог себе объяснить почему...

Большой совет

Большой совет проходил на площади в центре поселка. На скамьях, расставленных по кругу, рассаживались уважаемые, состоятельные люди.

Чтобы взять слово, достаточно было просто встать. Наступала тишина и все внимали говорящему.

Совет шел обычным чередом и уже близился к концу, когда вдруг поднялся со своего места Шаман.

– Это надо прекратить! – резко прозвучал в наступившей тишине его голос.

– Ты это о чем? – спросил Кузнец.

– Я о том, о чем вам всем хорошо известно, – сказал Шаман. – Вы все – уважаемые люди. Вы работаете. Вы делаете то, что нужно всем. Вас кормит и дает вам достаток ваш честный труд. Ваши дома и ваше добро – это продолжение ваших мозолистых и умелых рук. Именно это дает вам место на скамье совета и именно это придает вес вашему слову. Таков порядок, на котором держится поселок, порядок, который нам достался от наших предков. И этот порядок стал рушиться на наших глазах! Духи предков не простят нам измены.

Шаман сделал паузу. Площадь замерла. Было такое ощущение, будто всем хорошо известно и в то же время неизвестно то, о чем он говорил.

– Вы знаете, о чем я говорю. Вы знаете, о ком я говорю! – воскликнул Шаман.

И тут все повернулись к Та-ка, который от неожиданности сделал шаг назад.

– Я требую, чтобы Та-ка вышел на середину круга держать ответ, – сказал Шаман и сел.

Держать ответ перед Большим советом приходилось только за очень серьезный проступок. Наказанием здесь часто бывало изгнание. Но поселок уже и забыл, когда в последний раз кого-то требовали на середину круга. Поэтому после слов Шамана площадь вначале зашумела, но потом опять затихла. Та-ка растеряно вышел на середину и оглянулся. В глазах односельчан он заметил смешанные чувства: как будто его жалели и обвиняли одновременно.

– В чем я провинился?

– Ты виновен в том, что нечестен, – медленно произнес Шаман.

– Ты не работаешь, а имеешь больше, чем некоторые достойные работники, – вскочил вдруг со своего места Столяр.

– Я помогаю... – начал было Так-ка.

– Помощь – это не работа! – перебил его Столяр. – Настоящий помощник позже становится мастером того дела, в котором он помогал добропорядочному работнику. А ты? Мастером какого дела ты стал? Говори!

– Хорошо, – вдруг успокоился Та-ка. – Я стал мастером того дела, которое создал сам: я – мастер обмена. И думаю,

что мое мастерство не менее полезно людям, чем твое.

– Вот! – вскричал вдруг Столяр. – Слышите? Вот о чем я говорю: он не уважает труд добропорядочных мастеров. Каждый мастер изготавливает что-то, что можно подержать в руках, что-то, что полезно и нужно всем. А Та-ка только разносит все по домам. С каких это пор мальчишка-разносчик стал равен мастеру?!

– Я не разносчик. Во-первых, я сберегаю вам, добропорядочным мастерам, время. Теперь вы можете изготовить больше полезных вещей, чем раньше. Этих дополнительных вещей без меня бы не было. Так что можно считать, что есть и мой вклад в их изготовление. Во-вторых, я помогаю вам получить то, что без меня вы, может, и не получили бы... И вы знаете, что я всегда был честен. Если кто-то был мною обманут, пусть встанет и скажет сейчас. Если такой найдется, можете меня наказывать...

Над площадью повисла тишина. Та-ка оглядывал односельчан одного за другим. Он знал их всех. И он знал, что никого из них он никогда не обманывал.

Встал Кузнец.

– Я не умею говорить... Но я не совсем понимаю, почему Шаман и Столяр затеяли этот разговор. Да, я вижу, что дела у Та-ка идут хорошо. Он богатеет. Да, я не понимаю, почему он богатеет. Но я уверен, что он честен и мне этого достаточно. Я не вижу вины.

Кузнец сел. Было видно, что он сильно нервничает.

Встал Пасечник.

– Я поддерживаю Кузнеца. С появлением склада Та-ки всем стало только лучше. Мы можем не только экономить время, но придя на склад, мы видим то, что раньше не замечали и это помогает...

Над площадью прошел одобрителный гул.

Опять встал Столяр.

– Кузнец верно сказал, что он не понимает, как богатеет Та-ка. Я тоже не понимаю. Но я понимаю одно: как бы Та-ка не менял и не переставлял в своем складе наши изделия, больше их от этого не становится. Тогда я спрашиваю, откуда у Та-ка излишки?

– Вы прекрасно знаете, откуда, – ответил Та-ка. – Вы же сами мне все даете, добровольно...

– Это было раньше, – выкрикнул Столяр. – Это раньше я сам иногда дарил тебе пару деревянных ложек за помощь. Но в последнее время я не помню, чтобы кто-то что-либо тебе дарил!

– Но и теперь вы добровольно обмениваете свои товары. Разве нет? – громко выкрикнул Та-ка.

Площадь опять зашумела. Чувствовалось, что голоса разделились.

– Вы не понимаете, – встал опять Шаман. – Дело здесь не только в богатстве и нечестности. Все гораздо серьезнее.

В тоне у Шамана что-то изменилось. Та-ка вдруг понял, что Шаман заговорит сейчас о чем-то, что разрушит все его

дело.

– Он развращает молодежь! – выкрикнул Шаман, и указала рукой на Та-ка. – Да, да! Молодежь уже не хочет работать, она не хочет учиться у добропорядочных мастеров. Она хочет, как Та-ка, ничего не делая иметь свои склады. И не говорите мне, что вы не слышали подобных разговоров от своих детей.

Площадь зашумела. Отдельные недовольные нотки переросли постепенно в негодующий гул.

Шаман поднял руку и площадь затихла.

– Если наши дети перестанут работать и будут только держать склады, откуда возьмутся товары? И кто потом сможет быстро опять научить работать наших детей. Разрушить все легко. Но кто знает, сколько нужно времени и сил, чтобы восстанавливать. И не вымрем ли мы от голода через несколько зим!

Над площадью нависла тишина.

Та-ка понял, что все пропало. Он не знал, чем возразить. Более того, он был совершенно согласен с Шаманом.

Изгнание

Один за другим вставали добропорядочные мастера и поворачивались к Та-ка спиной. Это означало, что он теперь изгнанник. Та-ка может взять только одну лошадь или одну лодку, по выбору. Из вещей и провианта тоже только то, что можно погрузить на одну лошадь или в одну лодку. Все остальное будет поделено поровну между соплеменниками.

Выбирать долго не пришлось. Ему дали лодку. В нее погрузили товары, сколько уместилось. Рыбак Ри-ка объяснил, как спуститься вниз по реке

– Когда пройдешь четвертые пороги, справа будет небольшой поселок. Это примерно пять дней пути. Когда пристанешь к берегу, тебя окружают четверо стражей. Покажешь им вот это и скажешь мое имя и имя Ши.

С этими словами Ри-ка положил в руку Та-ка раковину необычайной формы. Та-ка никогда такой не видывал.

Рано утром следующего Та-ка отчалил. Его пришли провожать только трое: Кузнец, рыбак Ри-ка и Пасечник. Их одинокие фигуры на берегу Та-ка запомнил на всю жизнь.

Прошло два года. Поселок сильно изменился. Последний год был неурожайный. Запасов едва хватало, чтобы не умереть с голоду. На холме чернели останки склада Та-ка. После отплытия, все продукты были розданы сельчанам. Склад оказался никому не нужен. За ним некому было смотреть,

и он постепенно развалился. В поселке говорили, что после ухода Та-ка жизнь стала беднее и грустнее. Только один Столяр упрямо повторял:

– Правильно! Надо своим трудом жить. Иначе голод и болезни нас всех уничтожат!

– Держать склад и помогать менять – тоже труд, – отвечал ему Кузнец.

– С тех пор как ушел Та-ка, я стал меньше ловить рыбы, – вторил ему Ри-ка. – Я мог бы ловить больше, но она портится, и я не знаю, куда ее деть...

Но желающих и умеющих делать то, что делал Та-ка, в поселке не нашлось.

Прошел еще один год. И однажды Шаман сказал странную фразу:

– Духи сказали мне, что он вернется и все будет хорошо.

Никто не решился спросить, кто именно вернется. Хотя у многих появилось смутное чувство, что они знают кто.

Возвращение

Однажды в полдень наблюдатели с пристани заметили, как из-за поворота реки появились две большие лодки. Это было невероятное событие. По сигналу наблюдателей к берегу скоро сбежался почти весь поселок.

Лодки причалили к небольшой пристани, к которой до этого причаливали только небольшие лодки рыбака Рика. На носу первой лодки стоял человек, одетый в расшитый кафтан. На нем была высокая медвежья шапка. Что-то неуловимо знакомое было в его осанке и блеске задорных глаз.

– Приветствую достопочтенных работников и старых друзей! – выкрикнул человек, подняв руку.

– Та-ка! – выдохнула толпа у берега.

– Я знаю, что мне запрещено ступать на землю поселка, – громко сказал Та-ка. – Но я думаю, стоять в своей лодке мне, все-таки, можно!

– Зачем ты пришел? – раздался из толпы голос Столяра. Над пристанью вдруг установилась тишина.

– Я пришел за тем же, зачем ходил обычно, – улыбаясь сказал Та-ка. – Я думал, что страсть к обмену меня погубит. Но, как видно, я живуч. Я пришел меняться. У меня две лодки полные моих товаров.

– Ничего нам не надо, – раздался опять голос Столяра.

– А кто это лучше меня знает, что и кому надо, – звонко крикнул Та-ка. – Или вы забыли?

– А что ты привез? – раздался вдруг из толпы чей-то голос.

– О, я привез много интересного, – сказал Та-ка. – Здесь и меха, и целебные травы, и украшения, и инструменты, и наряды, и оружие... и много, много всего!

– У нас нет нечего, что можно предложить за твои драгоценности, – раздался опять голос Столяра. – Можешь отплывать, подобру-поздорову.

– А кто это лучше меня знает, что вы можете предложить, – весело выкрикнул Та-ка. – Или вы забыли?

По толпе прошелся смех.

– Ну-ка, пока не стемнело, открываем ярмарку! Неси, Пасечник, свой мед! Неси, Кузнец, свои серпы да косы! Мельник, неси свою муку... Столяр, неси свои ложки!

В одно мгновение все пришло в движение. Молодые здоровые гребцы с лодок стали выгружать на берег товары. Они расстелили длинные белые полоски ткани и стали раскладывать на них диковинные предметы. Здесь были и зеркала, и маленькие баночки с какими-то мазями, и складные ножики, и большие бутылки с какой-то жидкостью, и рулоны цветной ткани, и кожи, и меха, и многое, многое другое.

– Погодите, погодите! Люди опомнитесь! – закричал вдруг Столяр. – Вы же не знаете, откуда все это. Может это краденое. А закон запрещает обмен на краденое! Когда Та-ка уходил, у него была только одна лодка. Все это помнят.

Откуда у него теперь две большие лодки и эти диковинные товары?!

Над берегом опять повисла тишина.

– Я очень рад тебя видеть живым и невредимым, Та-ка, – прозвучал в полной тишине низкий бас Кузнеца. – Но я тоже хотел бы знать, откуда все это?

Все взгляды устремились на Та-ка.

Великий мастер

– Я понимаю ваше беспокойство, – с улыбкой сказал Така. – Но, все просто. Через пять дней пути, как и сказал мой дорогой друг Ри-ка, я попал в поселок, где показал его раковину и назвал имена Ри-ка и Ши. Меня приняли как дорогого гостя. Три дня провел я в поселке и... конечно же не удержался и занялся своим любимым делом – обменом. Пятая часть моих товаров нашла новых хозяев. А мои запасы пополнились новыми. Я очень подружился с Ши, и он дал мне другую раковину и назвал другое имя. Через шесть дней пути моя лодка причалила к новому поселку. Там повторилась та же история. Кстати именно там пользовались большим успехом ложки нашего Столяра. А уж о серпах нашего Кузнеца и говорить не приходится. И обмен всегда был к обоюдному удовольствию. Я опускался все ниже и ниже по течению реки. Через три луны я вышел к большой воде. Такую большую воду вы никогда не видели. И по ней ходили очень большие лодки. К удивлению своему я заметил, что товаров у меня становится все больше и больше. Но это все долго рассказывать... Ровно шесть лун назад я решил вернуться и проделал тот же путь в обратную сторону. И везде меня встречали как старого друга и с удовольствием производили обмен. Среди всех этих товаров нет ни одного, который бы я не получил без слова «спасибо».

Толпа у берега слушала как замороженная.

– Прости меня, мой мальчик, за то, что я в тебе засомневался... – сказал Кузнец, и голос у него дрогнул.

– Столяр, неси скорей свои ложки! – раздался вдруг чей-то звонкий веселый голос.

Толпа вновь зашумела и пришла в движение.

Но вдруг опять все затихло. Толпа раздвинулась. Вперед вышел подросток и сказал:

– Та-ка, тебя зовет Шаман!

– Но мне нельзя входить в поселок, – растерянно сказал Та-ка.

– Шаман знал, что ты так ответишь. Он просил передать, что духи отменили изгнание. Ты можешь войти в поселок!

У Та-ка аж дыхание перехватило... Он больше не изгнанник и может вернуться! Та-ка спрыгнул на берег и сразу очутился в объятиях Кузнеца и рыбака Ри-ка.

Пока одна часть селян рассматривала товары, разложенные на берегу, другая часть вместе с Та-кой направилась к Шаману.

– Я доволен, – сказал Шаман, – и духи довольны твоими деяниями. Да, ты можешь вернуться. Тебе возвращается твой склад.

– А что же изменилось? – спросил Та-ка. – Я же ничего нового не сделал.

– Если бы ты не вернулся, то духи предков были бы расстроены, – произнес Шаман. – Если бы ты вернулся с тем,

с чем ушел – духи бы тебя не приняли. Если бы ты вернулся ни с чем – духи бы разозлились. Но ты вернулся с тем, чего у нас нет и не было. Значит, ты смог изготовить то, чего не может изготовить никто в нашем поселке. Ты уравнился с великими мастерами. Я рад тебе сынок.

В поисках начала (Теория абстрагирования для чайников)

Однажды, мой сын, когда ему было лет шесть, заявил: «Пап, я не хочу становиться взрослым!». Я спросил: «Почему?». «О, мне еще надо многое успеть!» – ответил он.

Тогда я рассмеялся и попросил его не волноваться: он все успеет.

Через много лет я вдруг понял, что сам многое пропустил, не успел... В панике я бросился все наверстывать: стал учить французский, купил гитару и гантели, нарисовал две картины, начал писать пьесу, даже сходил на две выставки и на один концерт...

Нет, все без толку: всего не успеть, не выучить... Слишком много всего. К тому же, у меня память странно организована: я ничего не могу запомнить, особенно, если надо выучить что-то наизусть. Имена, стихи, числа, адреса не могут найти в моей голове ячейки памяти.

Но если идея понятна, я могу говорить часами. А чтобы понять идею мне надо знать ее начало, базовые элементы и закономерности. Как говаривал кто-то из великих: «Знание немногих принципов освобождает от знания многих фактов».

Тем не менее, всего не объять. Надо выделить главное.
– Надо начать с самого начала, – решил я, – с самого нуля.
Только, где этот ноль?

Ноль, т.е. начало, я искал долго. Вначале я искал его в элементарной физики. Мне это было нужно по работе. Я преподавал физику. А с моей странно организованной памятью я не мог запомнить формулы, выводы, доказательства, формулировки законов... А курс физики разбит на механику, молекулярную физику, электричество, магнетизм, атомную физику... и между ними никакой связи. Как будто совершенно разные дисциплины. В общем, беда.

Проблему я назвал систематизацией курса элементарной физики.

Надо сказать, что я ее успешно решил. И я уже не боялся выходить к доске перед учениками...

Я даже защитил диссертацию.

На ученом совете, куда я ее представил, довольно разумная дама сказала: знаете, что систематизация... или как у нас говорят, генерализация курса физики – это тянет на очень серьезный уровень, это как минимум докторская. Вас не пропустят. Возьмите вот этот кусочек вашей работы... Он достаточен для получения кандидатской степени.

Я, конечно, пытался спорить. Но дама сказала: если вы хотите обнародовать ваши изыскания, то, пожалуйста, вам никто не мешает. Но если вы хотите сыграть в игру под назва-

нием «защита диссертации и получение ученой степени», то сделайте так, как я вам сказала.

Ну, что сказать? Степень я получил... И изыскания опубликовал. Ни от первого, ни от второго не было совершенно никакого эффекта, кроме некоторых моих материальных затрат. Поэтому я благополучно забыл про физику и устроился на работу в академический Институт языка, литературы и искусства.

В институте я возглавил информационно-издательский отдел. В него стекались все результаты работы института. Через какое-то время стало понятно, что все начинается, конечно, с языка. Я вел бесконечные разговоры с сотрудниками института о том, с чего же начинается язык. Но все разговоры почему-то упирались в грамматику. А меня интересовал, как потом выяснилось, синтаксис. Но, практически во всех работах, синтаксис рассматривался только в рамках толкования или перевода с языка на язык. А меня интересовали онтология, генезис или эпистемология... т.е. то, с чего все начинается.

Специалист по этим вопросам нашелся всего один. Он с ходу заявил, что все началось, конечно, очень давно, но вот прервалось оно где-то в 7 тыс. до н. э. А потом опять стало развиваться... В общем, мне надо изучить его теорию о грамматических категориях.

Я, конечно, люблю оригинальные теории, но в этой я ров-

ным счетом ничего не понял.

Профессор пытался мне объяснить, как он считал, узловой момент свое теории.

– Вот, послушай, – говорил он, наливая очередную чарку водки, изготовленной по его секретному рецепту. – Вначале имена могли быть только у божеств. Причем произносить их могли только избранные, жрецы. А простые люди могли только произносить местоимения. А потом имена стали даваться и этим высшим жрецам, потом – всем совершеннолетним мужчинам... Менялись грамматические категории...

– А почему? – спрашивал я.

– Я не знаю, – говорил профессор. – Я только описываю, как это менялось, и какая здесь есть закономерность. Закономерность есть. И она очень точно описывает исторические периоды: если усложняются грамматические категории, значит народ, носитель языка, развивается. Если усложнение прекращается – то народ в застое. Если наблюдается упрощение – то это распад, деградация народа или случилась какая-то катастрофа глобального масштаба, какое-то бедствие... Эти мои выкладки полностью совпадают с результатами археологических изысканий.

– Почему происходит деградация – понятно. А почему происходит развитие? – не унимался я.

– Это не моя тема, – говорил профессор, и почему-то хитро улыбался.

Физик и филолог никогда не поймут друг друга, решил я.

Наверное, здесь нужен математик.

Института математики в нашей системе академических институтов не было. Поэтому математик нашелся в институте социально-экономических исследований.

Каким образом математик такого высокого класса попал в этот институт – это отдельная история. Но класс был на самом деле высокий. Он закончил мехмат МГУ, его статьи по математике еще в 70-ые годы были опубликованы в Америке.

Занимаясь математикой, он все теоремы доказывал сам, а для решения достаточно сложных задач, формулировал и доказывал новые теоремы и с их помощью успешно решал свои задачи.

– Что же было в начале? – спросил я.

– В начале была единица, – сказал он. – Хотя единица – это начало для арифметики.

– А ноль?

– В арифметике нуля нет.

– Как нет? – удивился я. – Для записи десятков используется ноль.

– Это не настоящий ноль, – сказал он. – Это обозначение пустого разряда. Вначале он записывался как точка.

– А что же лежит в основе математики?

– Множества – основа математики, – сказал он. – Их бесконечно много.

– Да, – сказал я, – и есть множество с бесконечно большим числом единиц... Оно так и называется: бесконечность.

– Их тоже много, – улыбнулся математик. – Бесконечно много.

– Как? – удивился я. – Разве бесконечное множество не включает в себя все? Я не могу представить множество бесконечностей. Я и одну бесконечность не могу себе представить.

– А тебе и не надо, – сказал он. – Просто есть бесконечное множество бесконечных множеств и все! Есть бесконечное множество, в котором другое бесконечное множество является структурной единицей первого бесконечного множества.

Так как я себя считал нормальным, то я ничего не понял.

– Это же просто, – сказал математик. – Вот, смотри.

Он взял ручку, листок бумаги и начал писать.

– Начнем с единицы. Добавим к ней единицу. К результату добавим еще единицу и т. д. Будем добавлять по единице к каждому новому результату и, в конце концов, получим...

– Бесконечность! – успел вставить я.

– Правильно, сказал он. – Теперь обозначим получившуюся бесконечность какой-нибудь буквой, и будем продолжать прибавлять по единице...

Листок постепенно наполнялся бесконечными бесконечностями... Все было как будто понятно, но ничего не было понятно.

– Как же ты не понимаешь? – удивлялся математик. – Вот, видишь, с этой бесконечности, надо перепрыгнуть в эту бесконечность. Для этого надо перепрыгнуть через бесконечность. Плавно, монотонно перейти нельзя.

– Это как скачок электрона с одного энергетического уровня на другой? – вспомнил я физику.

– Ну, да! С одного уровня на другой уровень...

– Абстрагирования! – вырвалось у меня.

– Какое абстрагирование? – удивился математик, и ушел по своим делам.

«Математические основы натуральной философии», – пронеслось вдруг у меня в голове.

Как же я сразу не догадался? Надо искать философа.

Философа я встретил в коридоре. Он был слишком рассеян для физика, но недостаточно ненормален для математика.

– Дружище, а где тут у вас можно набрать воды, а то у нас на этаже она куда-то вся пропала?

В руке он держал мутный графин 50-х годов. По озорному блеску в его глазах было видно, что вода для него не является основным напитком.

У философа была феноменальная память, энциклопедический ум и добродушный характер. Он долгое время работал в Москве. Его книга по философии была выпущена в издательстве «Наука». А тут, почему-то он вернулся в Махачкалу. И было видно, что ему не с кем поговорить... Начались

застольные беседы физика с философом.

Конечно, я был благодарным слушателем. Но, иногда я порывался вставить и свое слово. Он мягко улыбался, наливал мне очередную стопку и говорил: «Дружище! Это ты, скорее всего, вычитал у такого-то, только пересказываешь не совсем верно».

Кого именно он имел в виду я, конечно, при моей странной памяти не знал и не запоминал. Но однажды, он внимательно меня выслушал и, взметнув брови, сказал: «Я знаю, что ты никак не мог читать такого-то. Это исключено! Но откуда ты взял эти выкладки?»

На следующий день он торжественно вошел в мой кабинет, положил на стол толстенную книгу и сказал: «Вот. Здесь написано, с чего все началось. Дарю! Я там тебе даже дарственную надпись написал»

Я взял книгу в руки. Это была... Библия. Открыл первую главу. Она начиналась со слов: «Вначале бог сотворил небо и землю».

– Так, – подумал я. – В самом деле, надо начинать с самого начала.

Я с энтузиазмом принялся читать. Тогда я еще не знал, что физики, читая Библию, обычно или смеются или пишут критическую рецензию. Но, т.к. я больше учитель физики, чем просто физик, то я благополучно пропустил 1-ю главу, как непонятную, и углубился в истории о пророках, о которых раньше что-то где-то смутно слышал.

Читалось все легко, как исторический роман.

Но толку?

Филология, — решил я.

Вскоре мне показалось, что я слишком долго общаюсь филологами. Я ушел из института и открыл свою типографию. Теперь ко мне приносили свои работы не только филологи. Кто только их не приносил. Я думал, что я — сумасшедший. Оказалось, не я один. Есть и покруче.

Вначале я пытался читать приносимые работы. Это было еще ничего. Потом я стал вступать в дискуссии по содержанию работ с авторами. Авторы, видя перед собой только типографа, очень болезненно переносили мои рассуждения. Я стал терять клиентуру.

Пришлось приспособливаться и искусно маскировать свой интерес простым любопытством дилетанта. Мне стоило колоссальных усилий сдерживаться. Конечно, иногда я срывался.

Тем не менее, годы работы в типографии можно считать великолепной школой. Ведь так получилось, что в основном ко мне почему-то шли научные труды. Потоком шли монографии, диссертации, материалы научных конференций по всем наукам.

В какой-то момент меня опять охватило отчаяние. В каждой отдельно взятой науке — все как будто хорошо. Но вот взглянуть на это все целиком, увидеть систему, связи, отыс-

кать начало, ноль... Нет, это не получалось.

– Надо вести разговор с теми, кто чего-то достиг в своей специальности, и попытаться сделать обобщение, – решил я, и пошел на телевидение.

Директор телевидения выслушал меня довольно скептически. Идея, приглашать на разговор специалистов, ученых разных отраслей наук и вести с ними беседы, приходила и ему в голову. Но.

– У вас ничего не выйдет, – сказал он. – Мы много раз пытались сделать что-то подобное и очень многие предлагали себя в качестве ведущих. Но, более двух-трех передач никто не выдерживал

– Я выдержу, – сказал я. – Можете меня испытать.

– Ладно, – сказал директор. – Завтра в 10 утра запись, а в понедельник вечером – эфир. Согласны?

– Конечно! – воскликнул я.

– И вам не нужно подготовиться? Вы не хотите узнать, с кем и на какую тему будет разговор?

– Я давно готов, – сказал я. – А тема и персона не имеют значения.

Директор с сомнением покачал головой и стал куда-то звонить.

На следующий день ровно в 10 утра я был на телевидении. Меня провели в небольшую комнату, где в углу стоял маленький столик и два кресла. В одном из них уже сидел

мой первый собеседник. В руке он держал толстенную книгу. Как потом оказалось, это была его книга о истории лезгин начиная с древнего Шумера. На стене висел большой баннер с видом ночного города.

Я поздоровался, сел. Оператор включил камеры и сказал, что у нас 45 минут.

В понедельник, в 11 вечера вышел первый выпуск программы «Праксиология». Что такое праксиология, никто не знал. Но, тем не менее, программа регулярно выходила по понедельникам в течение полутора лет. Через нее прошло множество специалистов, в основном кандидатов и докторов наук. С каждым из них я вел разговор о целях, которые они ставили, и о результатах, которые были ими достигнуты.

Мы говорили о строении вселенной, о темной материи, о старинных обрядах и обычаях, о политике и экономике, о школе и вузе, о появлении языка и слов, о деньгах и инфляции, о древних рукописях и их авторах, о изобретениях и их внедрении. Даже демонстрировали шкуру ежа, вывернутую наизнанку...

В то же время, с каждым из гостей я пытался говорить о том, что такое человек, с чего он начинается и как их работы могут помочь в построении ответа на эти вопросы.

Да, обобщения многим были интересны, но, как выяснилось, никто этим специально не занимался. Каждому была интересна только узко его специальность...

В чем смысл частной задачи, если не различима общая

проблема?

Каждый раз, когда я слышал непонятный мне термин или неясную логическую связь, я задавал вопросы, пытаюсь получить разъяснения. Я справедливо полагал, что растолковывать все это, конечно же, будет интересно и самим моим собеседникам-специалистам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.